

СЫН (ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Посвящается Богатову А.М.

1

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветеньем
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный громок.
И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.
Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, и трава.

2

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.

Клубился мёд сиреневых туманов.
Стучали ветви клёнов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлёте,
И в сердце ощущение крыла.
На грозном российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пускай она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и молодой земле.
Ещё чуть-чуть, и будет брошен жребий,
Что мир расколется через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.
Симбирск чадил угаром летних кухонь,
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролётке,
Как будто идол, деревянно прям.
Прошёл, дырявой хлюпающей подмёткой,
В кабаке родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор,
И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.
Он был одной из многих ножек трона,
На коем восседал российский царь.
Царь был для всех – и божий гром и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.
Сословия, чины... Кругом ранжиры,
Указы, циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы – молодость и совесть,
Чья вера лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыданья мамы и сестёр испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жёстким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел – как бы чего не просмотреть.
Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточён в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь в Симбирске яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитно.
Жизнь совершала свой весенний взлёт.
И за Свягой – с косогора видно –
Работал на полях простой народ.
Скрипели сохи. Надрывая жилы,
Тянули с хрипом баржу бурлаки.
И тощие коровы воду пили,
В трясине увязая, из реки.
Он был не в силах радоваться маю.
Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
Его вырослила, душу остужая,
Недетская холодная печаль.

3

Куда пойти?..
С кем поделиться болью?
Мать рядом с Сашей,
Нет в живых отца.
Запруженная арестантской голью
Вскипала гулко улица с конца.
Косил лиловым глазом конь горячий,
Конвойный офицер крутил усы.
Совала бабка каторжным калачик,
Как повелось от века на Руси.
Владимир жадно всматривался в лица.
Кого не привели сюда пути!
Вот два студента, может, из столицы?
Спросить про Сашу... Но не подойти.
Гонимый люд шёл, спотыкаясь, в гору,
Сквозь толпы обитателей градских.

Хотелось отшатнуться от позора
Своей страны, но он смотрел на них.

4

Над городом
Весны звенело знамя.
С Венца дул лёгкий ветер – ласковой.
Над крышами домов, над куполами
Кружился май на крыльях голубей.
Шумело монастырское кладбище,
Вороньем граем, молодой листвой.
И словно на родное пепелище,
Пришёл Владимир к стеле гробовой.

Тот день вставал в сиянии немилком.
Народ всё шёл и шёл издалека.
Под синим генеральским вицмундиром
Остановилось сердце мужика.
Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
Сторонник дел. Противник болтовни.
Он был педагогических дел мастер,
Учитель и наставник ребятни.
Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
Не думая про звание и почёт,
Он объезжал Симбирскую округу
И все деревни знал наперечёт.
Курные избы, рощицы, пригорки.
Серп полумесяца, сияние креста.
Папузы, Курослепки, Домосёрки –
Беспамятные дикие места.
Сквозила бедность русских, инородцев
Из каждого дремучего угла.
За ним вставали школы как колодцы
С живой водою знания и добра.

– Отец, отец...

Мы – пасынки отчизны,

Твои сыны...

(О, как земля молчит!)

К чему ни прикоснёшься в русской жизни,

Умом иль сердцем – всё кровоточит.

Не оступиться б, что найдёшь, не знаешь.

Ведь на Руси как будто в сказке той:

Пойдёшь налево – совесть потеряешь,

Пойдёшь направо – голова долой.

Вороний грай шумел над тополями,

Земля молчала под родным крестом.

Но знал Владимир, что пойдёт он прямо.
Своим, ещё не тореным путём.
Пройдёт сквозь испытания на ощупь,
В бореньях прозревая, чтоб потом,
В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
Всё обрекая на распыл и слом.

Земля молчала, но ударил ветер,
Взыграла в небе света полоса.
Цепляясь за верхушки старых ветел,
Шла на Симбирск весенняя гроза.

Бунт совести

ПОЭМА

1

Здравствуй Волга – душа человека!
Древний ветер летит в затон.
Грузно волны, густые от снега,
Бьют в причальный слепой бетон.

Выйду я на холодный берег.
Влажно светит звезда в ночи.
Научи меня жить и верить,
Волга, счастьем меня научи!

Знаю, есть у тебя в запасе
Плёсы, заводи, Жигули,
Пугачёвщина, Стенька Разин,
Вёрсты политой кровью земли...

Ветер щёки царапает колко.
И от снега кипит волна.
Бьётся грузно о берег Волга.
Волга спрашивает меня.

2

Я однажды нашёл фотокарточки
В старом альбоме,
Хронографию жизни
Рабоче-крестьянской семьи,
Отпечатки торжеств
И невзгод в нашем доме.
Их на вечную память
Оставили предки мои.

Нет герба
На альбомном лоснящемся
Плюше,
Геральдических птиц
И зверья
На парчовой кайме.
Предки были просты,
Их безвестные души
Выходили из тьмы,
Исчезали бесследно во тьме.

Не князя,
Чтоб кичиться своим родословьем,
Не приезжие немцы,
Не мурзы поганой орды.
Основавший сей род
Наделил его доброю кровью,
И в историю вписаны
Битвы его и труды.

И когда я читаю
Открытую книгу России,
Вижу пращура светлый
И торжественный лик,
Это он обустроил
Просторы лесные,
И былин
Языковую крепость воздвиг.

Это он на священных
Воротах Царьграда
Щит прибил самокальным
Надёжным гвоздём.
Это он изогнул
Потолки Грановитой палаты,
А избёнку свою
Изукрасил летящим коньком.

А его
Забивали кнутами до смерти,
Волокли на правёж,
Батогами пуцали кровя.
И сказал некий князь:
– О, смердящие смерды!
Сколько их ни топчи,
Вновь растут как трава.

О гонимый народ!
Твоего родословья страницы
Невесёлых мечтаний
О правде и воле полны.
Не из них ли взяла
Свой разбег тройка-птица,
Чтобы вечно лететь
Над простором страны.

Не избыть мужика
Ни битьём,
Ни кандалною цепью.
И когда разрывалась
Терпенья тугая струна,
Полыхали пожаром
Поволжские дикие степи,
На Москву надвигалась
Мужичья война.

3

Истории ветер
Летит по разлому России,
По каждому сердцу,
По каждой судьбе прямиком.
Со скрежетом рушатся наземь
Гербы вековые.
Летят на булыжник орлы
Коронованным лбом.

– Погибла Россия!..

– Россия победно воскресла!..

Слова атакуют, сшибаются,
В сердце без промаха бьют.
Призывным плакатам
На стенах расстрелянных тесно.
Из словолитен
Всё новые толпы их прут.

Восстанья круги
От столицы бегут к захолустью,
Равняя сословья,
Сдирая чинов шелуху.
Задворки страны,
Что пропахли обломовской Русью,
Встряхнулись, прозрели, –
И Ленин у всех на слуху.

Спит мещанский Симбирск,
 Февралём убаюкан –
 Обещаньем свободы,
 Раздела земли.
 Отшумела в садах
 Листвяная осенняя вьюга,
 Ледяные зазимки
 На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь –
 Революции огненный праздник.
 Будоражит страну
 Обновления жуткая новь.
 Но Симбирск молчалив,
 Монастырский,
 Лабазный,
 С кистенём под полой,
 Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
 Лучше пусть верховодят эсеры.
 Совнаркомия Питера
 Нам, волгарям, не указ.
 Наша местная власть
 Вся купеческой веры.
 Их мы знаем насквозь –
 Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
 Но в казармах шумят о свободе
 Те, кто с вошью окопной
 Был три года на «ты».
 И пять сотен рабочих
 Бузят на патронном заводе.
 И крестьянин ко лбу
 Поднимает щепотью персты.

Он ещё не опомнился,
 В строки вчитавшись декрета,
 Что в обмотке привёз
 С галицийского фронта шабёр:
 – Надо землю делить!
 Неча ждать учредилки и лета.
 Не помогут слова,
 Так поможет топор!

Он молчит,
Но «люблю» сердце шепчет землице.
И мозолят глаза
Тыщи потных борозд.
До рабочей зари
Мужику будут в мареве сниться
Неба край,
Да копыта,
Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
Задохнётся от жара,
От затаённого
В почве огня.
Буйно щедра
Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля
Столько дён!
И сорвутся к земле
Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Дармовщинный и сладкий
Весенний поток.
И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток...

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыля.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею,
Навеки земля.

Светлый день – воскресенье!
 Рынок в Симбирске
 Колобродит, как стачка,
 Мычит и визжит.
 Из-под круга точильного
 Сыпятся искры.
 И заря кровянит
 Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик
 Работу хмельную,
 От которой земля
 Закачается вдруг,
 Когда вопьётся
 Взасос, в поцелуе,
 Нож заголяшный
 В наждачный круг!

Тоци, пролетарий,
 Косы и вилы,
 Кали, окунай
 В родниковую студи!
 Земля раскрутилась
 Гудящим точилом –
 Вылетел в небо
 Млечный путь!

Рынок в Симбирске
 Шумит, колобродит.
 Из уха в ухо
 Слушок течёт:
 – Керенки больше, того,
 Не ходят.
 Только царь-золоту
 Вечный почёт.

В руках у кого-то
 Мелькнула газета.
 Споры.
 И некому речи пресечь.
 – Быстро новая власть
 Производит декреты.
 – Как блины их печёт.
 – Как бы рот не обжечь.
 – Кто их знает?
 Там Питер, Советы.
 Здесь начальство и баба.
 Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,

Имя пыхает:

– Ленин. Ульянов.

Пожилой старожил

Мужикам из Тагая внушал:

– Это наш, симбирянин,

Без всяких обманов.

Я его самого

И отца его знал.

– Это надо ж! –

Качали вокруг головами.

– Наш, симбирский!

А может, ты врёшь?..

– Я тогда промышлял

В их порядке дровами.

Брехуном не дразнили.

Неужто похож?

– Ну, и как из себя он?

– Кто?

– Ленин тот самый.

– Был смиренный мальчишка,

Но взглядом востёр.

Волосы будто лампадное пламя...

– Ты гляди, а докуда допёр.

– Чай, из богатых?

– Какое богатство.

Домик, сад,

Ребятни полный двор.

...Рынок,

Стихнув,

Внезапно звереет от ора.

Плещет смрадная ругань

Из глоток, как дым.

Ловит скопом толпа

Карманника вора.

Наземь свалив,

Нависает, как туча,

Над ним.

Смертью пахнуло,

Могильной землёю.

Жизнь встрепенулась,

Почуяв провал.

Воздух густой

Разорвал над толпою

Выстрел,
И с крыш
Вороньё посдувал.

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.

Рядом ещё.
Но негусто,
С полвзвода.
Крепкие парни.
Винтовки, штыки.
– Граждане!
Власть в руках народа!
Правят Россией
Большевики!
– Сам-то ты кто?..
– Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленина
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите
По головам!

– Мы бы ничо,
Да чего бы не вышло...

– Хватит, слезай!
Что пустое брехать?
– Уши развесили:
К новому дышлу
Всех вас привяжут,
И ну – погонять!..

– Хватит, как малых детей
Нас баюкать!

– Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

– Бери в намозоленные
Мослатые руки

Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде, чем бунтом
Пойти на богатство,
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.
От весёлой работы
Трепещет душа.
И сыпятся искры,
Как перья жар-птицы
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

6

Клубился зной
Колочий, злой.
Желтело небо, как рогожа.
Сграбастал голод
Пятернёй
За глотку
Нищее Поволжье.

Смерть шла
По выжженным полям
Тенями рваными
Пожара.
И кровью наливался шрам
На детской шее
Комиссара.
Угрюмо заседал
Комбед.
Бесхлебье
Обсосало лица.
И падал из окошек свет
На злые
Острые ключицы.

Крик петушиный.
Выстрел.

Стон.
Скрипят ворота, как протезы.
Клокочет в глотках
Самогон.
Лежат за пазухой обрезы.

Огнём обкусанный забор.
Голов отъятых
Позевота.
Скороговорка пулемёта.
И пуля
Разрешала спор.

7

Голенаста, как аист,
Мозолины глаже,
Вымахав,
Тысячи пашенных вёрст,
Висит на амбаре
Старинная сажень,
Деревянные ноги
Топыря вразброс.

Сделал её,
Когда был ещё в силе,
Дед,
Воротившись с гражданской домой.
Землю
Навечно крестьянам делили,
Счастьем ржаным
Одаряли с лихвой.
Путаясь в полах
Пробитой шинели,
С саженью шёл он,
Спеша со всех ног.
Землю делил мужикам
И артели,
Мощностью
В шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
И запрягся в работу.
Залежь ломал
И в отход уходил.
Чтоб прокормить десять ртов –

Всю голоту,
От зари до зари
Выбивался из сил.

Как она пахла,
Родная земляца,
Плугом обласкана.
Вся в зеленях,
Вот и досталось судьбе
Распрямитесь,
Больше не чудился
Голод и страх.

Малость окрепнув
К тридцатому году,
Думал,
Что дальше помчит рысаком.
Но для крестьянства
Другую свободу
Выдумал вождь
В кабинете своём.

Так зануздали –
Не брыкнешься даже.
От мужика
Отшатнулась земля.
Снова ладони
Мозолила сажень,
Пашню для нового счастья
Деля.

Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы –
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
Стала тише и глаже.
Думать не надо,
Коль всё решено.
Мерила труд
Бригадирова сажень.
Время катилось.
Куда? – всё равно.

Русская доля,
Судьба ножевая!
Горечь утрат.
И забвенья трава.
Только застонет душа,
Прозревая,
В горле занозой
Застрянут слова.

8

Бушует Волга.
Даль сокрыта мутью.
И на душе предчувствие судьбы.
Дрожит причал, отшвыривая грудью
Свинцовых волн насупленные лбы.

Бугры воды взрываются, сверкая,
И зыбится пучина, отступив.
И слышит сердце, плача и стеная,
В прибое к бунту яростный призыв.
Моя душа подвластна грозной смуте.
В ней всполохи бунтарского огня.
Я знаю, что на русском перепутье
За всё, что будет, спросится с меня.

Бунтует Волга – пленная стихия,
Грызёт плотины, рушит берега.
Во мне бунтуют совесть и Россия,
Бунтует Божья правда мужика.